

Лариса Захарова

Deborah A. Field. *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia*. New York, NY: Peter Lang Publishing, Inc., 2007. 147 pp. ISBN 978-0-8204-9502-6.

Лариса Захарова. Адрес для переписки: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, bureau 667, 190-198 avenue de France, 75013 Paris, Франция. Адрес электронной почты: larisazakharova@gmail.com.

Книга Деборы Филд (Deborah Field) посвящена формам существования частной/личной жизни на фоне коммунистической морали в эпоху Хрущева. Под термином *private life* автор понимает интимные связи и переживания, а также индивидуальные интересы, противопоставляемые общественным. Интрига работы строится вокруг ответов на два вопроса: 1) как советские люди могли защищать личные интересы при отсутствии публичного пространства в хабермасовском понимании? и 2) как частная жизнь могла существовать в перенаселенных коммунальных квартирах и в условиях государственного вмешательства во все сферы повседневности? Специфика выбранного периода обостряет интерес рассматриваемого парадокса. С одной стороны, десталинизация с ее реформами в области семейной политики благоприятствует приватной жизни и позволяет людям самим регулировать рождаемость и решать свою личную судьбу: с 1955 года запрет на аборт отменяется, а процедура оформления развода постепенно упрощается. С другой стороны, разнообразные общественные структуры усиливают давление на личную жизнь, бдительно следя за тем, чтобы поведение каждого советского гражданина соответствовало нормам коммунистической этики.

Автор пытается разрешить указанные противоречия на протяжении шести глав. Первая глава представляет историю, принципы и институциональные проявления коммунистической этики. Во второй главе речь идет о жилом пространстве советских людей, почти не оставляющем места для приватности. В третьей главе анализируется дискурс о романтической любви, тогда как четвертая глава ведет читателя от платонических отношений к попыткам регулирования половой жизни. Последние главы посвящены политике в области развода супругов и воспитания детей и ее влиянию на семейные практики.

Исследование опирается на разнообразный круг устных и письменных источников, среди которых центральное место занимают архивные материалы общесоюзного и московского уровней – фонды тех инстанций, которые вторгались в приватную сферу и регулировали поведение людей. Специфика документов позволяет отказаться от традиционного в историографии противопоставления государства и общества и подчеркнуть посредническую роль различных чиновников (судей, работников детских учреждений, руководителей комсомольских организаций) в отношениях между государственными инстанциями и индивидами.

Право на вмешательство коллектива в приватное пространство определяется основным постулатом коммунистической этики, согласно которому личная жизнь

должна подчиняться общественным интересам. Такая расстановка приоритетов приводит к тому, что граница между приватным и публичным становится расплывчатой. Мещанству в быту объявляется бой, а домкомы, дружины и товарищеские суды наблюдают за поведением сограждан, преследуя разного рода девиации: хулиганство, стилиажничество, безделье и прочее.

Горизонтальный контроль осуществляется и соседями по коммунальным квартирам, которые остаются типичной приметой советской повседневности, несмотря на строительство «хрущоб». Вынужденное сожительство представителей разных социальных слоев часто приводит к конфликтам. Частное пространство оказывается сокращенным до минимума, и люди пытаются восстановить его с помощью особых личных вещей в обстановке их комнат.

Мечты и чувства также становятся прибежищем приватного. Этому способствует дискурс о романтической любви, разворачивающийся на почве смены догм в литературе и реабилитации переживаний отдельно взятого человека. Моралисты утверждают, что настоящая, чистая, немеркантильная любовь возможна только при социализме, где женщина равна мужчине и финансово от него не зависит. Однако даже в теории оказывается непросто разрешить дилемму между чувством долга, ответственностью и романтической любовью вне брака...

На практике же дело обстоит еще сложнее. Врачи констатируют полную неосведомленность молодежи в вопросах половой гигиены. Но читать лекции о половом воспитании, удовлетворяя требованиям общественности, означает культивировать нездоровый интерес к области, которая должна находиться под семью замками до свадьбы. Тем не менее в свет выходит большое количество публикаций о негативных социальных и психологических последствиях мастурбации, онанизма и беспорядочных половых связей. Легализация аборт также сопровождается дискурсом об их вреде для здоровья женщины и популяризацией противозачаточных средств. Но из-за извечных материальных трудностей советского типа – дефицита контрацептивов – аборт остается основным способом ограничения рождаемости.

Материальные неурядицы оказываются причиной многих разводов: супружеское счастье строится с большим трудом в тесных, перенаселенных, с вмешивающимися родственниками комнатах. Бракоразводный процесс упрощается, но судьи должны пытаться помирить разводящихся, апеллируя к обещаниям о материальном благополучии и изобилии при коммунизме. Суд является публичным пространством, в котором советские граждане защищают свои личные интересы при помощи норм коммунистической морали. Один из супругов может требовать развода под предлогом того, что его вторая половина не участвует в партийной и общественной жизни, живет узколичными интересами и отказывается строить коммунизм. При этом все гендерные предрассудки выходят на первый план: жены считаются нерадивыми, если они плохо ведут домашнее хозяйство, а мужа – если они неспособны финансово обеспечить свои семьи.

Схожий принцип гендерного разделения обязанностей прослеживается и в методах воспитания детей. Дисциплину и воспитание любви к труду у детей гарантируют отцы, тогда как матери занимаются привитием «культурных» навыков –

правил поведения и этикета, любви к чтению и просвещению. Вмешательство общественности в дело воспитания детей становится возможным после учреждения комиссий по делам о несовершеннолетних в 1957 году в масштабе РСФСР и в 1961 году в рамках СССР. Эти комиссии наделяются полномочиями отправлять детей в детскую воспитательную колонию и лишать мать и отца родительских прав. Подобные крайние меры являются косвенным свидетельством несоответствия между методами воспитания, с одной стороны, и, с другой – стандартами и уровнем жизни, на которые эти методы были рассчитаны: жилищный кризис, недостаточное развитие внешкольных досуговых структур, демографический дисбаланс, из-за которого матери воспитывают детей в одиночестве.

Книга Деборы Филд подталкивает к размышлениям о наследии советской эпохи в современной России. Многие моральные нормы выживают после развала СССР, особенно в области семьи (взять хотя бы торжественную процедуру бракосочетания в загсе с нравоучительной речью государственного чиновника) и воспитания детей. Однако возникает вопрос о том, что из описанного в книге характерно исключительно для коммунистической этики, а что является типичной чертой общеевропейского морального кодекса 1950-х и 1960-х годов. Так, было бы интересно сопоставить советский и «капиталистический» дискурсы о семье, мужских и женских обязанностях, разводах, абортах, сексе; сравнить статистику браков и разводов разных стран. Тем не менее, несмотря на отсутствие сравнительной перспективы, исследование ценно своим вкладом в освещение противоречий оттепельного десятилетия.